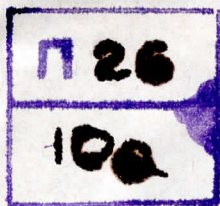

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

СБОРНИК
НАУЧНЫХ РАБОТ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЛОСОФИИ
ВУЗОВ г. ХАРЬКОВА

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

П 26
10а

СБОРНИК
НАУЧНЫХ РАБОТ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЛОСОФИИ
ВУЗОВ г. ХАРЬКОВА

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени А. М. ГОРЬКОГО
Харьков

1959

ПУТЬ М. С. ОЛЬМИНСКОГО ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

В. А. МОСЕНЦЕВ

«Будущим историкам русской общественности, — писал П. Н. Лепешинский, — предстоит еще задача изучить и по достоинству оценить всю революционную красоту богато одаренной личности... М. С. Ольминского, сотканной из любви к людям и жгучей ненависти к классовым врагам трудящихся, беззаветной преданности большевистской партии, из чуткой внимательности к злобам дня и неудержимого стремления к идеалам общечеловеческой правды и общечеловеческого счастья в грядущие дни коммунизма»¹. С тех пор как были написаны эти замечательные слова, прошло четверть века, однако разносторонняя деятельность М. С. Ольминского (1863—1933) — профессионального революционера, талантливого публициста и литературного критика — еще не стала объектом специального изучения².

В настоящей статье, которая не претендует на исчерпывающее решение всех вопросов темы, делается попытка проследить основные этапы идейного развития Ольминского от народничества к марксизму. Факты показывают, что Ольминский, усвоив идеи традиции революционных демократов, под влиянием роста пролетарского движения и распространения марксизма в России в конце 90-х годов порывает с народничеством, вступает в РСДРП (1898 г.), а по приезде в Женеву (1904 г.) определяется как большевик.

Михаил Степанович Ольминский (Александров) родился 2(15) октября 1863 года в Воронеже в семье мелкого чиновника из дворян. В годы учения в гимназии Михаил Александров зачитывался произведениями Пушкина, Гоголя, Некрасова, Белинского и Чернышевского. Спустя много лет Ольминский писал, что запрещенную цензурой часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Пир на весь мир») он впервые прочел в 1878 г. как «нелегальщину». Она наложила печать на характер и направление всей его жизни³. «В пятом классе, — пишет о себе Ольминский, — задело революционное веяние»⁴.

¹ См. статью П. Н. Лепешинского в Собр. соч. Н. Щедрина, т. II. ГИХЛ, 1933.

² Некоторые стороны литературно-публицистической деятельности Ольминского затронуты в статьях П. Лепешинского, А. Луначарского, Н. Пиксанова, В. Кирлотина, И. Новича, В. Злобина, написанных еще при жизни Ольминского или же вскоре после его смерти. Интересные биографические сведения содержатся в воспоминаниях старых большевиков: Вл. Бонч-Бруевича, М. Васильева-Южина, П. Лепешинского, А. Луначарского, Н. Мещерякова, Г. Петровского, В. Шелгунова и др.

³ М. Ольминский. Исправленный Некрасов. «На литературном посту», 1926, № 7—8, стр. 66.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 28, л. 12.

К концу 70-х годов Ольминский знакомится с группой революционно настроенной рабочей молодежи, тогда же он впервые прочел нелегальную газету народников «Земля и воля». Героический ореол окружал в те годы деятелей «Народной воли». Глубокий след в сознании Ольминского оставило неудавшееся покушение Соловьева на жизнь царя. Юноша приобретает пистолет: он считает, что настоящий революционер должен быть таким же, как Соловьев. Обо всем этом узнало гимназическое начальство. Ольминского исключают из гимназии.

Основным идейным течением, широко распространенным среди разночинной интеллигенции в 70-е годы, было народничество. Отрицая объективный характер законов общественного развития, народники рассматривали капитализм в России как явление случайное, искусственно насаждаемое правительством. Они мечтали построить социализм на основе идеализируемой ими крестьянской общины при помощи героических усилий «критически мыслящих личностей», которым, по замыслу Лаврова и Михайловского, надлежало возглавить народ — «толпу». Народничество 70-х годов — противоречивое явление, сочетавшее в себе наряду с реакционно-утопическими прогрессивные черты, унаследованные от революционных демократов 60-х годов.

Эту противоречивость народничества нелегко было обнаружить его современникам, особенно героически настроенной молодежи, когда на устах крестьянских революционеров, шедших в деревню, были имена Герцена и Чернышевского, когда моральный престиж революционеров-практиков был необычайно высок и многим казалось, что Бакунин, Ткачев, Лавров и Михайловский продолжают великое дело Белинского, Герцена, Чернышевского.

О том, что Маркс и Энгельс подвергли резкой критике систему взглядов идеологов крестьянского утопического социализма, основная масса народников еще, конечно, не знала. Воодушевленные враждой к существующему строю, революционные народники горячо отдавались практической деятельности — шли в народ, видя перед собой главную цель: разбудить сознание крестьян, поднять их на революцию. Однако все попытки народников реализовать эту программу потерпели крах, так как (не говоря уже о том, что поднять крестьян на социалистическую революцию вне союза с пролетариатом и без руководящей роли в ней со стороны последнего вообще невозможно) они, в сущности, не поняли крестьян, той далеко не однородной социальной среды, на которую они делали ставку в своих утопических представлениях о путях русской революции. Глубоко разочаровавшись в «коммунистических инстинктах» мужика, народники стали на путь индивидуального террора, наивно полагая, что если народ, с их точки зрения, оказался неспособным к немедленным революционным действиям, следовательно, старую тактику надо заменить новой — тактикой террористических актов. С начала 80-х годов народничество как политическое течение начинает вырождаться, выделяя и вытравляя из себя элементы «искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс», — все то, что, по словам Ленина, составляет «здоровое и ценное ядро»¹ народничества.

В результате такого регресса у народников 80—90 годов вырабатывается новая, либеральная программа, «рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 330.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 247.

Расцвет народничества в 70-е годы, его вырождение и окончательный идейный разгром марксистами — все это прошло на глазах Ольминского и не могло не оказать своего влияния на его мировоззрение.

Нелегальные съезды «Земли и воли», состоявшиеся в 1879 г. в Воронеже и Липецке, произвели на Ольминского большое впечатление, и уже через два года после этого (1881 г.) он вступает в партию «Народная воля», членом которой состоял до 1894 г.¹

Вспоминая впоследствии о своем первом пребывании в Петербурге², Ольминский писал, что взрыв 1 марта 1881 г. оставил неизгладимый след в его памяти. Когда же гимназистов повели в Петропавловский собор для присяги Александру III, молодой революционер решил: «К черту всю присягу, с самим царем!»³. Тот факт, что после убийства одного царя появился другой и последнему надо было приносить присягу на верность престолу, заставил Ольминского серьезно задуматься над тем, приемлема ли тактика террора в борьбе с существующим строем. Под влиянием самой жизни вера Ольминского в революционные возможности интеллигентов-одиночек была серьезно поколеблена.

Возвратившись в Воронеж, Ольминский вступил в кружок, члены которого вели пропаганду среди рабочих железнодорожных мастерских. В кружке во имя общих практических задач объединялись люди весьма различных политических убеждений. Летом 1883 г. решено было установить связь с ростовским революционным кружком. С этой целью в Ростов был послан Ольминский⁴.

Что же читали члены воронежского кружка? Сошлемся на воспоминания самого Ольминского. Громадным уважением пользовалось имя Чернышевского. Знание романа «Что делать?», так же как и публицистики Добролюбова и Писарева, считалось обязательным. Изучали также «Положение рабочего класса в России» и «Азбуку социальных наук» Берви-Флеровского. В эти годы Ольминский впервые знакомится с марксистской литературой — работой Ф. Энгельса «От утопии к науке». Несмотря на то что брошюра Бакунина «Государственность и анархия» ходила по рукам, автора ее члены кружка считали человеком чуждым своим убеждениям, равно как и Г. Спенсера. Ольминский говорил, что он не может вспомнить статей Михайловского или Лаврова, за исключением книги последнего о Парижской коммуне, которые привлекли бы тогда его внимание.

Произведения Белинского и Чернышевского сыграли важную роль в формировании мировоззрения молодого революционера. Ольминский ясно видел классовое различие между либералами и революционными демократами. Более того, он постоянно подчеркивал это различие и громадные заслуги Чернышевского, как и его предшественника Белинского, объяснял прежде всего их практически-политической деятельностью, основным содержанием которой был призыв уничтожить эксплуататорский строй.

В 1883 г. Ольминский поступает на юридический факультет Петер-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 195, л. 8 и 10.

² После исключения из воронежской гимназии Ольминский непродолжительное время занимался в Петербурге, затем возвратился в Воронеж, где и сдал экзамены на аттестат зрелости.

³ См. От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.). Госиздат, Донское отделение, 1921, стр. 61.

⁴ ЦГИАМ, ДП, делопр. 3, 1890 г., д. 762, л. 2.

бургского университета¹. Учиться пришлось недолго: в декабре 1885 г. по требованию Воронежского губернского жандармского управления Ольминский был арестован и привлечен к дознанию². Но два с лишним года жизни в столице России — промышленном Петербурге — немалый срок для политического роста революционера.

80-е годы в России характеризуются разнузданной, зверской реакцией. Но она не смогла сломить революционного духа. «Именно в эту эпоху, — писал В. И. Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования»³.

В годы пессимизма и разброда, когда часть интеллигенции возглашала: «Шире дорогу, восьмидесятник идет!»⁴, бодро звучал мужественный голос друзей народа Щедрина и Н. В. Шелгунова, которые выступили с резкой критикой реакционной политики правительства, либеральных народников и требовали оберегать чистоту идеалов 60-х годов. Разоблачая реакционную журналистику («Гражданин» Мещерского, «Руссий вестник» Каткова, «Новое время» Суворина), критикуя толстовскую проповедь квиетизма, пассивной покорности социальному злу, а также теорию «малых дел», провозглашенную газетой «Неделя», Щедрин и Шелгунов объективно содействовали проникновению идей марксизма в сознание нового поколения революционеров, оказывали значительную услугу русской социал-демократии, история которой началась как раз в то время, когда на поверхности общественной жизни, казалось, все было подавлено и правительство торжествовало свою кровавую победу.

Первой русской марксистской организацией была группа «Освобождение труда», основанная в 1883 г. порвавшим с народничеством и эмигрировавшим за границу Плехановым. В декабре 1883 — январе 1884 года в Петербурге возникла социал-демократическая группа, независимо от «Освобождения труда», во главе со студентом университета Д. Благоевым. Ядром ее политической программы было признание неизбежности капиталистического развития России, основной революционной силой считался пролетариат. Однако программа содержала некоторые ошибки в духе Лаврова и Лассалья, за что ее резко критиковала группа «Освобождение труда», которой благоевцы послали на просмотр проект своей программы. После этого группа Благоева приняла программу группы Плеханова. Последний участвовал в подпольной газете петербургской группы и снабжал благоевцев нелегальной литературой.

¹ В том же году на тот же факультет был зачислен брат В. И. Ленина А. И. Ульянов. Ольминский хорошо знал А. И. Ульянова и в значительной степени разделял тогда его взгляды.

² ЦГИАМ, ДП, делопр. 3, 1890 г., д. 762, л. 4.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 230.

⁴ М. С. Александров. Группа народолюбцев (1891—1894 гг.), «Былое», 1906, № 11, стр. 1.

«Конец 1883 и начало 1884 г., — пишет Благоев, — группа употребила для организации собраний среди студенчества. Вначале собрания были малочисленными, после становились все многочисленнее, некоторые достигали даже 30 человек. На этих собраниях я излагал социалистические взгляды группы, отвечая на все, как говорили тогда, жизненные вопросы революционного характера, волновавшие студенчество... Несмотря на то, что успехи группы среди студенчества были очень важны для дальнейшего развития ее работы, все же она не забывала, что главный объект ее пропаганды — рабочий класс. Сюда были устремлены все ее усилия, и здесь в течение 1884 г. она успела развить еще при мне довольно широко свою пропаганду и агитацию»¹. В числе лиц, присутствовавших на таких собраниях, был и студент первого курса Ольминский. Правда, к этому времени он уже состоял членом народновольтерской организации — Союза молодежи партии «Народная воля».

Влияние на Ольминского группы Благоева, а стало быть, и Плеханова сказалось в том, что он начал изучать «Капитал» Маркса, а также политическую экономию Д.-С. Милля с примечаниями Чернышевского. Одновременно у Ольминского возрастает интерес к народнической литературе. Он читает произведения Лаврова («Исторические письма») и Михайловского («Что такое прогресс?»). Именно сейчас у него возникает потребность вдумчивого отношения как к марксистской, так и к народнической литературе. Начавшийся процесс вырождения народничества, измельчания его теоретических программ и практических задач заставил Ольминского по-новому взглянуть на теоретические работы народников с тем, чтобы сопоставить их с трудами Маркса и Энгельса. Жизнь расшатывала народнические иллюзии, и лица, не ослепленные народнической пропагандой, начинали понимать всю несостоятельность последней.

В 1884 г. Ольминскому поручили руководство двумя кружками: по заданию рабочей организации при Союзе молодежи партии «Народная воля» он вел пропаганду на заводе Берда, а по поручению группы Благоева — в Петербургской государственной типографии.

Как уже отмечалось, в декабре 1885 г. Ольминский был арестован, но из-за отсутствия достаточных улик его освободили из тюрьмы (апрель 1886 г.) и установили за ним негласный надзор на два года, запретив проживать в местах, объявленных в положении усиленной охраны². Ольминский, таким образом, был вырван из атмосферы острой политической борьбы. Попытки продолжить учебу не увенчались успехом. Вскоре его призвали в армию, и в Петербург он возвратился только в 1890 году. Здесь он сразу же налаживает связи с оставшимися на свободе членами разгромленной Благоевской группы, которые входили теперь в состав социал-демократической группы Бруснева. Вместе с тем Ольминский принимает активное участие в создании «Группы народвольтерцев»³, которая возникла в Петербурге осенью 1891 года.

Филантропическое движение интеллигенции, стремившейся помочь голодающим, больным холерой крестьянам, привело часть студенческой молодежи к мысли об организации политического общества. Было решено вести пропаганду (при помощи печати и устно). Печатные издания должны были выходить с девизом «Памяти Герцена». Самая революционная часть организации, воспользовавшись случаем крайней

¹ «Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Под ред. А. М. Панкратовой», М., Госполитиздат, 1952, т. III, ч. I, стр. 391—392.

² ЦГИАМ, ДП, делопр. 3, 1890 г., д. 762, л. 4.

³ Она известна также как группа «Четвертого листка «Народной воли».

неконспиративности, вышла из общества и «решила создать более тайную и более революционную организацию, — какую именно, некоторые еще сами не знали»¹. Инициаторами этой реорганизации были Ольминский и Н. Л. Мещеряков. «Вопрос: кто же мы? — писал впоследствии Ольминский, — поднялся только после разрушения «общества». Ответ «народовольцы» — не всеми был принят с одинаковым удовольствием, но недовольные подчинились общему решению. Так, без особо тщательного сговора по вопросу о принципах, образовалась «Группа народовольцев»². Программа группы носила народнический характер, основным объектом пропаганды считался пролетариат, отрицалась также тактика террора. Вскоре была создана подпольная типография, ставшая основой для будущей Лахтинской типографии, где несколько позже печаталась марксистская литература, в частности, брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». С большим сочувствием встретили рабочие напечатанную в этой типографии брошюру «Братцы-товарищи», автором которой был рабочий Балтийского завода И. И. Кейзер, член группы Бруснева, а впоследствии — ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». На примере деятельности «Группы народовольцев» нетрудно проследить, как отдельные члены ее отходили от народовольчества и приближались к социал-демократии.

Ольминский, будучи руководителем народовольческой группы³, поддерживал в то же время связь с рабочими, прошедшими школу социал-демократической пропаганды. Группа Бруснева, в которой они состояли, возникла в 1889 г. из рабочих кружков, уцелевших после разгрома двух предшествующих социал-демократических групп — Благоева и Точисского. В ней начали революционную деятельность С. И. Радченко, Н. К. Крупская и другие видные социал-демократы. С некоторыми из передовых рабочих (Г. Мефодиев, Е. Афанасьев-Климанов) Ольминский был знаком еще в 80-е годы.

В 1891 г., уезжая в Москву, Бруснев ввел Ольминского в центральный кружок. Вспоминая об этом, Ольминский искренне удивлялся: как мог Бруснев позволить народовольцу, считавшему тогда, что политическую свободу должна завоевать интеллигенция, а рабочих следует готовить лишь к тому, чтобы воспользоваться этой свободой, — проникнуть в самую толщу социал-демократической организации? И надо согласиться с мыслью Ольминского: «...он (Бруснев.— В. М.) заметил то, чего я сам не замечал еще, — мою принципиальную близость к социал-демократии»⁴.

Небезынтересно выяснить отношение к Ольминскому самого Бруснева. «Приблизительно в начале 1891 года, — пишет последний, — в комитете было доложено о появлении на горизонте наших кружков некоего Петра Петровича⁵, интеллигента-народовольца, желающего проникнуть в самую толщу нашей организации. Мы были не на шутку встрево-

¹ М. С. Александров. Группа народовольцев (1891—1894 гг.), «Былое» 1906, № 11, стр. 14.

² Там же.

³ В одном из донесений в Департамент полиции сообщалось, что «Александров (Ольминский.— В. М.) принял на себя руководство деятельностью вновь организованного революционного кружка, присвоившего себе название «Группы народовольцев» (ЦГИАМ, ДП, делопр. З. 1893 г., д. 771, л. 264). См. также: ЦГИАМ, ДП, делопр. З. 1894 г., д. 635, ч. 1, л. 113.

⁴ М. С. Александров. «Группа народовольцев (1891—1894 гг.)», «Былое», 1906, № 11, стр. 8.

⁵ Революционная кличка Ольминского.

жены»¹. Когда же стало известно, что Ольминский вместе с рабочими участвовал в демонстрации на похоронах Шелгунова, организованной группой Бруснева, руководству группы было поручено переговорить с народовольцем, чтобы привлечь его на свою сторону. По словам Бруснева, Ольминского не удалось «переманить», тем не менее комитет решил не отвергать его услуг и использовать их, насколько возможно, в своих целях.

Значительными событиями 1891 года были демонстрация рабочих на похоронах публициста-демократа Н. В. Шелгунова и первая в России маевка, организованные группой Бруснева. В. И. Ленин писал: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»². Ольминский принял активное участие в этих событиях.

На маевке, положившей начало выступлениям трудящихся в день Первого мая с политическими требованиями, рабочие В. Н. Прошин, Ф. А. Афанасьев, Е. А. Афанасьев (Климанов), Н. Д. Богданов произнесли пламенные речи, в которых прозвучал голос людей, осознавших, что основная задача всех рабочих — борьба против самодержавия, что существующий строй может и должен быть заменен справедливым, социалистическим строем. О том, какое значение придавал Ольминский речам передовиков-рабочих, можно судить хотя бы по тому, что он (вместе с Мещеряковым) сразу же, в одну ночь, напечатал их на гектографе и распространил среди рабочих³.

Осенью 1893 г. в Петербург приехал Ленин и, объединив социал-демократов, повел решительную борьбу против либерального народничества. Работу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ольминскому не удалось прочитать в те годы: книга появилась тогда, когда он уже находился в тюрьме. Но зато Ольминский, как народовец, присутствовал на дискуссионных собраниях, где В. В. Старков и С. И. Радченко излагали ленинские положения по важнейшим вопросам теории и практики пролетарской борьбы. Вспоминая о таких дискуссиях, Ольминский писал: «...споры наши с марксистами производили на нас свое влияние: молчаливо делалась уступка за уступкой...»⁴.

Эволюция взглядов Ольминского нашла свое выражение в его первых статьях. В автобиографических заметках он упоминает о четырех статьях, напечатанных в изданиях петербургской земской управы — «Статистическом сборнике» и брошюре «Виды на урожай по Петербургской губернии». По признанию автора, эти статьи были попыткой для него самого убедиться, как глубоко проник капитализм в сельскую общину и сколь прочны его позиции.

Серьезного внимания заслуживает гектографированный «Рабочий сборник» (апрель 1894 г.), составленный Ольминским и Б. Л. Зотовым по инициативе «рабочей подгруппы народовольцев», руководил которой Ольминский⁵. «Народовольческая рабочая подгруппа, — писал он, —

¹ «Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов. Под ред. А. М. Панкратовой», М., Госполитиздат, 1952, т. III, ч. II, стр. 110.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 118.

³ От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1866—1894 гг.), Госиздат, Донское отделение, 1921, стр. 71.

⁴ М. С. Александров, Группа народовольцев (1891—1894 гг.), Былое, 1906, № 11, стр. 10.

⁵ ЦГИАМ, ДП, делопр. З, 1893, г., 771, л. 260. «Группа народовольцев» издавала также «Летучие листки» (их вышло всего четыре).

решила, для первого опыта, издать гектографированный Рабочий Сборник, имея в виду перейти затем к изданию печатной газеты Голос Рабочих. Мне было поручено написать вступительную статью для сборника.

В это время шли у рабочей подгруппы (а м.б. и у группы — точно не помню) переговоры с медицинским кружком о совместном издательстве. Мой проект вступительной статьи встретил резкий протест со стороны медиков. Отрицательный отзыв был формулирован двумя словами:

— Это — плехановщина! (т. е., по мысли медиков-народовольцев, марксизм. — В. М.).

Чтобы не потерять медиков, пришлось всюду, где говорилось об интересах рабочих и их задачах, вставить слова «и крестьян», кое-что было сглажено, и медики удовлетворились. Когда вышел Рабочий Сборник с некрологом Энгельса¹ и с моей искаженной «плехановщиной», интеллигентные социал-демократы увидели в нем демагогическую попытку подделаться под социал-демократов; они не поняли того, чего мы и сами еще не понимали, — что мы уже далеко эволюционировали от народничества в сторону марксизма². Из девяти материалов сборника семь посвящены вопросам рабочего движения. Характерная черта сборника — отсутствие туманных рассуждений, столь типичных для статей либеральных народников. Вступительная статья принадлежит Ольминскому³. В сжатой форме, ясно и просто рассказано в ней о жизни рабочих и крестьян, о том, что нужно делать для избавления от гнета капиталистов и помещиков, а также разъяснены мотивы и цели издания сборника. В противовес народникам, доказывавшим, что русское государство и правительство — явления «надклассовые», «висящие в воздухе», Ольминский убедительно разъясняет классовый характер и государства, и правительства, и всех бюрократических институтов самодержавия. Правительство не издает ни одного закона, который бы не был одобрен заводчиками, помещиками, купцами. Капиталисты и помещики живут так, «что лучше и не нужно: профессора их поучают, правительство защищает, чиновники исполняют их волю»⁴. Самодержавие видит рост революционного движения. И оно уже не знает, как бороться с «силой народной»: то заигрывает с народом, то «завинчивает до предела гайку», бросает в тюрьмы людей, у которых пробуди-

¹ Ольминский ошибся: В «Рабочем сборнике» некролог Энгельса не был напечатан. См. М. Ольминский. Мои ошибки, «Пролетарская революция», 1924, № 12 (35), стр. 334—335.

² М. С. Александров. Группа народовольцев (1891—1894 гг.), «Былое», 1906, № 11, стр. 13.

³ В книге «Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов. Под ред. А. М. Панкратовой», М., Госполитиздат, 1952, т. III, ч. II, стр. 455—460, где напечатана статья из «Рабочего сборника» «Стачка на ткацкой мануфактуре Воронина», указано, что автором ее является также Ольминский. Последний отрицает это. По его словам, автор статьи — Зотов, которому он передал черновик проекта требований стачечников (Ольминский составил его вместе с рабочими в период стачки). На основании проекта требований и дополнительного материала Зотов написал статью. — См. М. Ольминский. Мои ошибки, «Пролетарская революция», 1924 № 12 (35), стр. 334—335. Стачка на Воронинской мануфактуре всколыхнула прогрессивную молодежь. На вечер, посвященном 75-летию Петербургского университета, где среди пяти сот присутствующих находился и прапорщик запаса Ольминский, «говорилось о необходимости общения всех прогрессивных и оппозиционных правительству элементов», об оказании помощи семьям уволенных рабочих. Вечер состоялся в кухмистерской Петрова в доме № 41 по Разъезжей улице (ЦГИАМ, ДП, делопр. 3. 1894 г., д. 169, л. 7).

⁴ «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 346.

лось сознание и которые не могут больше терпеть издевательств и угнетения. Но под «...грохот фабричных станков, под болезненный плач луголодного ребенка, под нестройный гомон артели, в деревне и в городе — народ русский читает и слышит благою весть освобождения... Новые сеятели увлекают все больше народу, и теперь среди крестьян и рабочих уже немало людей, сердце которых горячо бьется при звуке боевого клича социализма:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹.

Какие же реальные пути предлагает автор для решения ближайшей задачи — уничтожения правительства и замены его новым, таким, которое избиралось бы народом и давало ему «отчет о своем правлении»? Для этого необходимо, по мнению Ольминского, во-первых, объединиться в кружки, где обсуждались бы насущные вопросы и повышалась классовая сознательность рабочих, и, во-вторых, — создать тайную газету. Он пишет: «Объяснить нужду в своей газете — это по-нашему то же, что объяснить нужду в крепкой обуви, чистом воздухе, свежей пище»². Газета должна обобщать опыт стачечной борьбы. В этой связи Ольминский горячо ратует за изучение истории рабочего движения: «...знать историю русского рабочего движения необходимо всякому русскому рабочему»³. В статье также разъяснено, что представляют собой политические права и свободы, почему они должны быть завоеваны; показано, в чем разница между условиями борьбы трудящихся на Западе и в России; даны конкретные советы относительно конспиративных сходов, передачи нелегальной литературы и т. д.

Передовая статья «Рабочего сборника», несмотря на то, что ее содержание было искажено изменениями, внесенными народниками кружка медиков, показывает созревание марксистской мысли Ольминского. Он не был пассивным хранителем идеалов 60-х годов; он пошел дальше и благодаря пристальному изучению действительности приблизился к выводу, что расширение политического сознания пролетариата является одним из важнейших условий, обеспечивающих создание борцов против самодержавия.

В апреле 1894 г., вскоре после выхода «Рабочего сборника», были арестованы члены «Группы народовольцев», в том числе и Ольминский⁴. При аресте у него были отобраны:

«1) Печатная газета под заглавием «Русский рабочий», № 1, Париж, 1894 г.

2) Рукопись под заглавием «Социализм в Германии».

3) Рукопись на 2 полулистах, заключающая в себе выписки из сочинения Энгельса о социализме.

4) Рукопись стихотворения «К друзьям», возмутительного содержания.

5) Рукопись противоправительственного содержания на двух листах линованной бумаги»⁵.

«Результаты обысков, — писал впоследствии сотрудник Департамента полиции, — благоприятны, особенно у Александра и Сущинского»⁶. Приговор, объявленный Ольминскому, гласил: три года тюрь-

¹ «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 346.

² Там же, стр. 347.

³ Там же.

⁴ Под негласным надзором полиции Ольминский состоял с момента возвращения в Петербург (1890 г.), См. ЦГИАМ, ООДП, 1910 г., д. 5, т. 3, л. 257.

⁵ ЦГИАМ, ДП, делопр. 7, 1894 г., д. 86, т. 1, л. 45.

⁶ Л. П. Меньшиков. Охранка и революция, М., 1925, ч. I, стр. 212:

мы и пять лет ссылки в Восточную Сибирь. Таким образом, почти десять лет, с 1894 г. по 1903 г., Ольминский провел в неволе.

Воспоминания Ольминского «Три года в одиночной тюрьме», стихи и другие материалы проливают свет на характер умственной работы их автора в годы одиночного заключения и ссылки. Ольминский писал, что он «еще не был в то время марксистом, был только на пороге к марксизму, причем не имел у себя ни одной марксистской книги (Плеханова (Белтова) читал раньше как противника), о Ленине еще не слышал¹. Читал I т. «Капитала» и некоторые статьи Энгельса»².

В тот самый момент, когда Ольминский работал особенно напряженно, подводя итоги прошлому и стремясь понять будущее (этому серьезно способствовало глубокое изучение наследия Щедрина), состоялась организованная «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» тридцатитысячная забастовка текстильщиков, которую Ленин назвал промышленной войной. Неизгладимое впечатление, писал Ольминский, «осталось от петербургской коронационной забастовки текстильщиков (оно отразилось в четвертой главе моей книги «Три года в одиночной тюрьме»)»³. В камеру Ольминского доносился гул многотысячной массы рабочих: демонстранты прошли мимо тюремных окон. «То было первое по своей грандиозности политическое выступление петербургского пролетариата. Сквозь камни и железо проникали в тюрьму вести о великом, и дрожало сердце. И замерло оно, когда трубы вновь оделись черным дыханием. Дан был новый толчок моей мысли в связи с тем, что раньше думал о различии психологии пролетария и мелкого хозяина»⁴.

Это был период соединения теории научного социализма с массовым движением рабочих. Начинается новый этап освободительного движения. Обостряется кризис мировоззрения Ольминского. Два периода в развитии его мировоззрения обусловлены переломом в истории освободительной борьбы. Рост рабочего движения и распространение марксизма в России явились решающими факторами, способствовавшими переходу Ольминского на позиции марксизма. «В конце тюремного срока,— говорил Е. Ярославский,— Ольминский написал одному товарищу, что для него счастливейшим днем будет тот день, когда он сможет назвать себя марксистом. Ольминский вспоминал: «Этот день настал, когда удалось прочесть Манифест I съезда об образовании Российской социал-демократической рабочей партии»⁵. В 1898 г. Ольминский вступил в РСДРП (принят партийной организацией ссыльных Верхоленска и Олекминска)⁶.

Большим событием в жизни Ольминского явилось первое знакомство с трудами Ленина, в частности, работой «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», которую он «про-

¹ «Есть предположение,— пишет Ю. Либединский,— что еще до своего трехлетнего тюремного заключения в Крестах Михаил Степанович установил связь с Владимиром Ильичем Лениным» (См. М. Ольминский (М. Александров). В тюрьме (1896—1898 гг.), М., Изд. «Молодая гвардия», 1956. Вступ. статья Ю. Либединского, стр. 5). Этот вопрос требует, конечно, специального изучения. Насколько нам известно, Ольминский нигде не говорит о том, что связь его с Лениным была установлена до тюремного заключения в Крестах.

² ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 30, л. 15.

³ М. Ольминский. Статьи о Щедрина, М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 164.

⁴ М. Александров. Три года в одиночной тюрьме, Пг., 1917, стр. 55—56.

⁵ «Правда», 9 мая 1933 г. См. также, «От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894)», Госиздат, Донское отделение, 1921, стр. 78.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 195, л. 8.

чел как выдающееся произведение», но многое еще «не понял благодаря долгому отрыву от жизни»¹.

В ссылке Ольминский пишет ряд работ, в которых стремится взглянуть на жизнь с позиций нового мировоззрения. Они печатались главным образом в иркутской газете «Восточное обозрение». К ним прежде всего следует отнести такие статьи, как «Кооперация и эксплуатация», «Из жизни Олекминских скопцов», «Из Якутской области», «Из истории общины в Сибири», «О полном собрании сочинений Щедрина», две статьи о Чехове, «Мотивы текущей лирики» и др.

Первые работы Ольминского, написанные в тюрьме и ссылке, дают основание утверждать, что к концу данного периода в основном сформировалось ядро марксистских взглядов их автора². Разрыв со старым народническим мировоззрением позволил ему решить некоторые проблемы с правильных методологических позиций. Но в эти же годы обнаружилась и слабая сторона методологии Ольминского, которая оказалась весьма устойчивой и с годами вылилась в ряд серьезных вульгарно-социологических ошибок в духе концепции экономического материализма М. Н. Покровского. Они отчетливо наметились уже в ранней работе Ольминского «Свобода печати» (1903 г.), ярче всего проявились в статьях о декабристах и в книге «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» (1910 г.). Эти ошибки (которые, кстати сказать, Ольминский преодолевал очень медленно) сурово, резко критиковал В. И. Ленин³.

В 1899 г., в ссылке, Ольминский написал автобиографический рассказ «Иганов», в котором запечатлел моменты своего духовного развития за весь предшествующий период. Поскольку этот рассказ значительно обогащает наше представление об этапах эволюции мировоззрения Ольминского к марксизму, изложим его содержание, стремясь по возможности не нарушать последовательности авторского повествования.

Ссылный Иганов вспоминает свое прошлое. В молодости, когда возникла потребность сознательного отношения к окружающему, в России господствовало народничество, и он сразу же усвоил готовое миро-созерцание. Недостаточные познания в области общественных и философских наук никогда не могли остановить Иганова в стремлении к практической деятельности, которой он решил посвятить всю свою жизнь. С первых же шагов революционной работы Иганов стверг дуализм, усвоил в общих чертах эволюционную теорию. Изучение первого тома «Капитала», а также примечаний Чернышевского к политэкономии Д.-С. Милля привело к тому, что Иганов, согласно требованиям народнической идеологии, выработал отрицательное отношение к экономическим формам жизни на Западе.

В начале 80-х годов народная жизнь рисовалась в литературе в розовых тонах, и, казалось, стоит лишь уничтожить самодержавие, чтобы перейти из мира действительности в мир идеалов. Колебания героя начались тогда, когда он осознал, что его идеалы могли развиваться только на почве той классовой дифференциации, которая составляет характерную черту капитализма. Однако Иганов успокаивал себя мыслью, являвшейся тогда для всех народников аксиомой: Россия не знает

¹ М. Ольминский. Мое знакомство с Лениным, «Литературная газета», 29 января 1933 г.

² Об этом см. нашу статью в «Учених записках філологічного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького», т. 7, Харків, 1959.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 322—323, 348; т. 19, стр. 145—147.

европейского деления на классы. Призыв Лаврова удовлетвориться «ролью пассивного хранителя прогресса», так же как и проповедь «непротивления злу», теории «малых дел» и под., не могли найти отзвука в душе Иганова, видевшего в практической деятельности смысл и цель жизни. И он боролся против этих реакционных теорий. Первая марксистская работа Плеханова сильно задела Иганова: тяжело было осознать, что автор ее, которого еще вчера считали «своим», сегодня так резко критикует народников. По словам Ольминского, резкость тона книги заслонила в глазах героя положительное содержание ее и бесспорную общность взглядов как Плеханова, так и Иганова. В тот момент, когда в душе Иганова «накопились горечь и вражда за полученные удары», он обнаружил, что уже много положений усвоил от противника. В мировоззрении Иганова была пробита брешь; казалось почва уходит из-под ног. В этот момент Иганова посадили в тюрьму, и, таким образом, представилась возможность систематизировать взгляды, сопоставить свои старые убеждения с марксистскими.

К глубококому своему изумлению, Иганов увидел, что все то, что он считал истиной, получено им от противника. Но принять новую систему взглядов Иганов не решается. Во-первых, потому, что не разделял еще некоторых положений марксизма, который, как ему казалось, обрекает человека на общественный квиетизм, и, во-вторых, в силу уважения к «теням свято чтимых людей, сошедших в могилу», отказ от взглядов, которых Иганов считал бы изменой. «Но было бы ли это изменой?» — спрашивает себя Иганов. Ведь носителями его идеалов, как и идеалов его учителей, является народ. И теперь он уже не тот, каким был раньше. Иганов вносит в свое сознание поправку: «народ» заменяет более точным определением — товаропроизводитель, лишенный средств производства. По мысли Иганова, подобный корректив сделали бы и родоначальники народничества, если бы они дожили до этих дней. Сравнивая политическую программу народников 90-х годов с программой «отцов» революционного народничества, он заметил, что «последователи» отказались от «предшественников», примирились с существующим строем.

Чтение журнала народников все больше и больше убеждало его в правоте марксистов. Народники не могли противопоставить им ни одного аргумента, ограничиваясь частной критикой, мелочными придирками и т. д. Однажды, прочитав «авторитетный» журнал народников (имеется в виду «Русское богатство»), Иганов выбросил его в помойную яму. Как ни странным казалось Иганову, но он не мог не согласиться, что к отцам русского народничества марксисты относились с глубоким уважением, тогда как либеральные народники третировали их. В момент духовного кризиса на помощь Иганову пришли марксисты. Он отказывается от эволюционного метода и усваивает диалектический. Для него, пишет Ольминский, слово «история» было откровением: оно распутало все узлы, освободило от тяжести, которая уже начала казаться непосильной, и открыло дверь в светлую перспективу будущего. Нелегко было сознавать Иванову, что новый период жизни начинался тогда, когда прожито почти 40 лет, и что в него он вступает учеником, которому еще много предстоит поработать над теорией марксизма, что бы считать себя пригодным для практической деятельности. И тем не менее «Иганов снова пережил светлую полосу молодости, когда умственный горизонт с каждым днем расширяется и сознание своих сил возрастает; такая бодрость, которую редко кому удается узнать более одного раза в жизни»¹.

¹ «Старый большевик», 1933, № 2(5), стр. 203.

К осени 1903 г. Ольминский отбыл срок ссылки. Ссылному запретили проживать в Петербурге в течение пяти лет. Некоторое время Ольминский находился в России, посетил ряд городов, встретился с бывшими народовольцами, которые стали к этому времени эсерами и не без злорадства сообщили о расколе на II съезде пратии. С ними Ольминскому было не по пути, и он твердо решил, «что нужно ехать за границу, перечитать литературу»¹, разобраться во внутривнутрипартийных разногласиях.

В начале 1904 г. Ольминский прибыл в Женеву. Несколько недель ушло на чтение политической литературы обоих направлений, старой и новой «Искры». Изучение работ Ленина, беседы с ним были столь плодотворными, что уже летом 1904 года он выступил против меньшевиков с рядом брошюр в защиту организационных основ большевизма². Брошюры были напечатаны в издательстве социал-демократической литературы, созданном по указанию В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевичем в противовес меньшевистской «Искре».

По приезду в Женеву Ольминскому казалось вначале, будто главной причиной организационных разногласий является недоразумение, вызванное просто непониманием эмигрантской частью русской социал-демократии специфических условий революционной работы в России, где нет политических свобод. Но вскоре «недоразумения рассеялись», и Ольминский-Галерка со всею силой своего незаурядного публицистического таланта обрушился на меньшевиков. Он беспощадно критикует кружковщину, кастовую замкнутость, интеллигентскую разболтанность, высокомерное отношение к рядовым членам партии со стороны меньшевиков, то есть все то, что стремились насаждать в партии оппортунисты-новоискрывцы.

По глубокому убеждению Ольминского, партия должна быть высоко сознательным, монолитно сплоченным единым целым. Членов партии он сравнивает с солдатами, которые во имя интересов партии должны подчиняться требованиям избранного ими «генерального штаба» — Центрального Комитета. Разоблачая меньшевиков, Ольминский пишет: «Успокойтесь, незаменимые! Вспомните, что понятие незаменимости отдельных лиц неприменимо к растущей общественной силе, что деятель, который воздумал бы, например, спекулировать на свою незаменимость в социал-демократической партии, неизбежно обречен на потерю своего влияния!»³.

Отметая клеветнические обвинения в бонапартизме, брошенные в адрес Ленина и его соратников, Ольминский блестяще доказал, что как раз меньшевики являются бонапартистами, что, «культивируя бонапартистские перевороты внутри партии, они готовят почву для настоящих бонапартов будущей революционной эпохи»⁴. Субъективно-идеалистической теории культа личности, насаждавшейся меньшевиками, Ольминский противопоставил культ партии: «У нас может быть только один

¹ М. Ольминский. Мое знакомство с Лениным, «Литературная газета», 29 января 1933 г.

² Брошюры составлены из следующих статей Ольминского: «Наши недоразумения» (написана в соавторстве с Рядовым-Богдановым), «Недоразумения рассеялись», «Орган без партии и партия без органа», «Долой бонапартизм!», «На новый путь», «Здоровые мысли в гнилой оболочке», «Разновидность оппортунизма». Позднее, в годы реакции и революционного подъема, Ольминский написал ряд работ, в которых затронул теоретические вопросы.

³ М. Ольминский. (Галерка). Борьба за партию после II съезда РСДРП. М., Партиздат, 1933, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 116.

культ—культ социал-демократизма, один бог — победа пролетариата»¹.

Итак, в духе требований программы, принятой на II съезде партии, в свете ленинского учения о партии рабочего класса Ольминский пропагандировал и защищал организационные принципы построения марксистской партии, разоблачал всех тех, кто пытался свести на нет идею диктатуры пролетариата.

Важно подчеркнуть, что В. И. Ленин в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу (написано между 18 и 28 августа 1904 г.) предлагал принять «все и всяческие меры для ускорения выхода» брошюры Галерки «Долой бонапартизм!»². Когда она была издана, Ленин отмечал, что автор ее «от имени всех нас объявил войну» бонапартизму. Здесь же развивалась мысль, что прямой долг большевиков перед партией — разоблачать обман меньшевистского ЦК, документально доказывать бонапартизм его членов³.

Партийно-публицистическая работа под руководством Ленина помогла Ольминскому скорее преодолеть ошибочные взгляды, которые он вынес из прошлого. Ленин внимательно следил за политическим ростом Ольминского, с удовлетворением отмечал его успехи, подбадривал, вселял веру в молодого марксиста, когда тот колебался и не умел сразу разобраться в сложной политической обстановке; резко и принципиально критиковал за ошибки и промахи, которые могли играть на руку врагу.

Глубоко поучительны замечания В. И. Ленина на две статьи Ольминского «Орган без партии и партия без органа» (издана отдельной брошюрой) и «Задачи дня» (была подготовлена для газеты «Вперед», 1905 г.). Автору их не удалось до конца вскрыть оппортунизм меньшевиков; неточные, ошибочные формулировки позволяли читателю делать неправильные выводы, а меньшевикам — могли дать оружие для борьбы с большевиками. В замечаниях на статью «Задачи дня» Ленин писал: «Аксельрода Вы неверно толкуете... Принесите оригинал и поспорим! Нельзя давать врагам оружие, неверно толкуя их!»⁴. Статья не была напечатана. Просматривая ленинские замечания, касающиеся не только основных положений статьи, но и ее стиля, лишней раз убеждаешься в том, насколько доброжелательной, при всей ее суровой прямоте, была критика Ленина: вскрывая ошибки, он вместе с тем указывал путь их исправления.

Признав статью Ольминского «Орган без партии и партия без органа» в целом не совсем удачной, а в отдельных случаях даже ошибочной, Ленин, однако, одобрил концовку ее: «Конец статьи (стр. 15 после черты), по-моему, очень хорош и должен быть оставлен независимо от 7-го пункта»⁵, — писал он, предлагая автору выбросить или радикально переделать один из разделов. Что привлекло внимание Ленина? В заключение статьи Ольминский говорит, что он хотел показать, как новая «Искра» вместо того, чтобы быть центральным органом партии, поскольку таковым объявил ее II съезд РСДРП, на деле стала органом кружка, личных счетов, клеветы и сплетен. «Центральный орган должен объединять партию. Читая свежевывшедший номер, мы должны все, без различия оттенков, чувствовать себя социал-демократами, членами единого великого целого. Центральный орган должен быть для нас такой

¹ М. Ольминский (Галерка). Борьба за партию после II съезда РСДРП. М., Партиздат, 1933, стр. 116.

² Ленинский сборник XV, стр. 474.

³ Ленинский сборник XXVI, стр. 61—62.

⁴ Ленинский сборник XVI, стр. 269.

⁵ Ленинский сборник XV, стр. 174.

же святыней, как красное знамя во время демонстрации и в момент восстания. По отношению к партийному большинству редакция превратила наше священное красное знамя в казацкую нагайку»¹, — этими словами заканчивается статья Ольминского. Здесь налицо сильные стороны Ольминского-публициста, которые с годами еще ярче проявят себя: большевистская страстность, непримиримость к врагам, четкость выводов, большая смысловая емкость фразы.

Приведем еще один пример, показывающий, как Ленин заботливо воспитывал партийных литераторов. 7 февраля (25 января) 1905 г. Ольминский прочел реферат на тему «Разновидность оппортунизма». Ему было также поручено написать статью на эту же тему для газеты «Вперед». Ленин принял деятельное участие в подготовке данной статьи, составил подробнейший «План реферата Василия Васильевича»², помог автору исправить отдельные ошибки. В статье «Разновидность оппортунизма» («Вперед», 28 (15) февраля 1905 г.) Ольминский, исходя из тех положений, которые наметил Ленин в плане реферата, дал правильную характеристику социальной природы оппортунизма, призывал непримиримо относиться к врагам пролетариата и его партии.

Не следует удивляться, что Ольминский в эти годы допускал некоторые ошибки. Ведь вскоре после приезда в Женеву он, говоря о том, сколь трудна коренная ломка миросозерцания, писал Ленину: «еще труднее продумать и последовательно провести для себя новое мировоззрение во всех его разветвлениях, до предела практического применения к жизни». Решив написать статью «на тему предпоследнего абзаца программы партии», где речь идет об отношении РСДРП к революционным и оппозиционным движениям, с одной стороны, а с другой — ко всяким реформистским проектам, Ольминский обращается за советом к Ленину: «Чтобы не сделать, при обсуждении такой щекотливой темы, ложного шага, который был бы не в интересах ЦК³, я пошлю прежде всего статью эту Вам лично, в надежде, что Вы примете во внимание мое ученическое состояние в данный момент и что мы сообща обсудим этот мало разработанный вопрос»⁴.

Создатель и руководитель партии воспитывал в Ольминском качества профессионального революционера-большевика, беззаветно преданного великому делу пролетариата, непримиримого к врагам, принципиального и последовательного в проведении партийной линии, учил за демагогической пышной фразой видеть подлинное лицо оппортуниста, сохранять спокойствие и выдержку, когда партии приходится на время отступать для того, чтобы затем с новой силой обрушиться на врага. И уже в августе 1905 г. Ленин писал: «Вас (или) Вас (ильевич) весь увяз в мелкой работе и не пишет, что крайне досадно»⁵. В другом письме (сентябрь 1905 г.), призывая партийные комитеты повышать свою активность, Ленин советовал: «Идите смелее и шире к рабочим, жарьте листки, *заказывайте их нам, Шварцу, мне, Галерке*, заявляйте от имени комитета громкое свое партийное мнение»⁶.

¹ М. Ольминский (Галерка). Борьба за партию после II съезда РСДРП. М., Партиздат, 1933, стр. 70.

² Василий Васильевич — партийная кличка Ольминского. План реферата напечатан в «Ленинском сборнике V», стр. 86—89.

³ Письмо было написано до того, как ЦК перешел в руки меньшевиков.

⁴ «Старый большевик», 1933, № 5(8), стр. 135.

⁵ Ленинский сборник XXVI, стр. 22.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 291—292. Шварц — псевдоним В. В. Воровского, Галерка — псевдоним Ольминского.

Ольминский становится видным партийным деятелем, большевистским пропагандистом и публицистом. Он принимает участие в работе совещания 22 большевиков, составившего обращение «К партии» — программу борьбы за созыв III съезда РСДРП. В редакцию газеты «Вперед», созданной по решению этого совещания, вошли В. И. Ленин, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. С этого времени Ольминский является неизменным членом основного ядра редакций или сотрудником почти всех дооктябрьских большевистских изданий: «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Борьба», «Волна», «Эхо», «Молодая Россия», «Вестник жизни», «Мысль», «Просвещение», «Звезда», «Правда» и др.

Когда за границу докатились раскаты грома русской революции, Ольминский в статье «Отзвуки петербургских событий», что была напечатана в газете, редактируемой Лениным, писал: «Но не остановить им (правительствам, не пропускавшим эмигрантов-большевиков в Россию.— В. М.) революционеров, готовых сложить свою голову, как не остановить всероссийской полиции того революционного потока, который готов обратить в дымящиеся развалины вековое здание всеми проклинаемого самодержавия. Наша мысль с вами, дорогие товарищи работы Петербурга, Москвы и других городов. Близок час, когда мы будем не только мысленно с вами, когда рука об руку с вами мы будем работать над возведением баррикад, чтобы ответить на выстрелы выстрелами, на воинскую команду криками:

Вперед! Долой монархию! Да здравствует пролетариат!»¹.

Одновременно с Лениным Ольминский возвращается в Россию и с головой окунается в кипучую волну революции. Он активно работает в «Новой жизни», «Волне», «Эхо» и других газетах, в партийном издательстве «Вперед», редактирует нелегальную газету «Казарма» и выполняет другие важные поручения партии. Как член редакций большевистских газет Ольминский почти ежедневно встречался с Лениным, который давал темы, заголовки статей, перечитывал и исправлял рукописи. «Ленинская правка,— пишет Ольминский,— была такова, что статьи неизменно выигрывали в смысле энергии, четкости и революционности»². Ольминский глубоко осознал, что его деятельность, как и любого другого партийного литератора, должна всегда быть частью общепролетарского дела.

Вера в то, что восходящий класс — пролетариат — рано или поздно выступит на штурм самодержавия, согревала Ольминского на протяжении предшествующего периода революционной деятельности. Теперь он увидел, на какой героизм способен русский пролетариат и какая неисчерпаемая революционная энергия таится в нем. Плечом к плечу с большевиками-ленинцами Ольминский пошел по тому пути, который указывал Ленин.

¹ «Вперед», 18(31) января 1905 года.

² «Старый большевик», 1933, № 5(8), стр. 141.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. С. Лутай. Некоторые категории диалектики и вопрос об объективном характере законов естествознания	3
Ю. Ф. Бухалов. К вопросу об определении истины	23
А. А. Марк. О единстве диалектического и исторического материализма	29
Е. Г. Гавриш. Определение сущности жизни Ф. Энгельсом и идейная борьба в современной биологии	51
А. И. Корж. О роли трудов советских астрономов в борьбе за материализм в звездной космогонии	69
М. А. Улановская. Материалистическое истолкование Н. Н. Бекетовых новых открытий в физике конца XIX и начала XX века	89
К. Ф. Медведев. Борьба Н. А. Умова против витализма	101
А. С. Полтавцев. Роль Г. В. Плеханова в идейном разгроме экономизма	115
М. Ф. Партолин. М. М. Коцюбинский и революционные социал-демократы	129
М. А. Челак. О философских взглядах И. Я. Франко	145
В. А. Мосенцев. Путь М. С. Ольминского от народничества к марксизму	167

И-IX-832